Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 179–186
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2025;(1):179–186
Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32+316.6
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-179-186 EDN JIEHCY

Изучение концепта «принуждение» в мировоззрении современной молодежи в контексте террористических угроз

Людмила Леонидовна Иванова[1], Ольга Васильевна Белуженко[2]

[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

[1]ivanova-ll@uriu.ranepa.ru
[2]beluzhenko-ov@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Уязвимость молодежи для организаций, распространяющих экстремистскую идеологию и вовлекающих в террористическую деятельность, ставит перед научным и педагогическим сообществом задачу поиска эффективных способов профилактической работы.

Цель. Изучение мировоззрения студенческой молодежи в контексте гендерного анализа структуры семантического содержания концепта «Принуждение».

Материалы и методы. Исследование опиралось на данные, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Основными методами исследования послужили контекстуальный анализ лексического материала, качественный анализ лексем, семантический анализ гендерных баз данных, агломеративно-иерархический кластерный анализ гендерных баз данных.

Результаты. Гендерный лингвистический анализ представлений студентов гуманитарного вуза о процессе принуждения, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента, позволил авторам установить, что по общим семантическим признакам полученные реакции делятся несколько групп (процессы и действия; чувства и состояния; иные реакции). Отмечено, что ассоциации со словом «Принуждение» включают в себя и целый ряд реакций-метафор, отражающих личностные смыслы процесса принуждения для респондентов, его функции по отношению к человеку. При этом большинство имеющихся реакций-метафор обладают отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией.

Выводы. Качественный анализ полученного лексического материала позволяет определить, что у девушек на первом месте по проценту упоминаний (с отрывом) находятся лексемы блока «Психологическое давление / навязывание», на втором – лексемы блока «Применение физической силы», а на третьем (с большим отрывом) – лексемы блока «Шантаж / запугивание». В свою очередь, у юношей на первом месте по проценту упоминаний (с незначительным отрывом) находятся лексемы блока «Применение физической силы», на втором – лексемы блока «Психологическое давление / навязывание», а на третьем (с заметным отрывом) – лексемы блока «Управление (приказ, требование)». Это позволяет предполагать более «активную» роль мужской выборки респондентов в ходе «реализации» процесса принуждения. В ходе последующего кластерного анализа была установлена подробная структура лексико-семантических полей концепта. Таким образом установлено, что структуры семантического содержания концепта «Принуждение» в языковом сознании юношей и девушек – носителей русского языка – диаметрально не совпадают.

Ключевые слова: концепт «Принуждение», свободный ассоциативный эксперимент, студенты гуманитарного вуза, гендерное исследование, семантический анализ, кластерный анализ, структура лексико-семантических полей, мировоззрение молодежи, виды насилия, террористические угрозы

Для цитирования: Иванова Л. Л., Белуженко О. В. Изучение концепта «принуждение» в мировоззрении современной молодежи в контексте террористических угроз // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 179–186. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-179-186. EDN JIEHCY

© Иванова Л. Л., Белуженко О. В., 2025

Politology and Ethnopolitics

Original article

The study of the concept of "coercion" in the worldview of modern youth in the context of terrorist threats

Ludmila L. Ivanova[1], Olga V. Beluzhenko[2]

[1, 2]South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[1]ivanova-ll@uriu.ranepa.ru
[2]beluzhenko-ov@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The vulnerability of young people to organizations that spread extremist ideology and involve them in terrorist activities poses a challenge for the scientific and pedagogical community to find effective ways to prevent it.

Purpose. To study the worldview of students in the context of a gender analysis of the structure of the semantic content of the concept of "Coercion".

Materials and methods. The study was based on data obtained during a free associative experiment. The main research methods were contextual analysis of lexical material, qualitative analysis of lexemes, semantic analysis of gender databases, and agglomerative-hierarchical cluster analysis of gender databases.

Results. A gender linguistic analysis of the ideas of students of the humanities university about the process of coercion, obtained during a free associative experiment, allowed the authors to establish that according to common semantic features, the reactions received are divided into several groups (processes and actions; feelings and states; other reactions). It is noted that associations with the word "Coercion" include a number of metaphor reactions reflecting the personal meanings of the coercion process for respondents and its functions in relation to a person. At the same time, most of the available metaphor reactions have a negative emotional and evaluative connotation.

Conclusions. A qualitative analysis of the lexical material obtained allows us to determine that the girls in the first place in terms of the percentage of mentions (by a margin) are the lexemes of the "Psychological pressure / imposition" block, the lexemes of the "Use of physical force" block are in the second place, and the lexemes of the "Blackmail / intimidation" block are in the third (by a wide margin). In turn, among young men, the lexemes of the "Use of physical force" block are in the first place (with a slight margin), the lexemes of the "Psychological pressure / imposition" block are in the second place, and the lexemes of the "Management (order, demand)" block are in the third (with a noticeable margin). This suggests a more "active" role for the male sample of respondents during the "implementation" of the coercion process. During the subsequent cluster analysis, the detailed structure of the lexico-semantic fields of the concept was established. Thus, it is established that the structures of the semantic content of the concept of "Coercion" in the linguistic consciousness of young men and women – native speakers of the Russian language do not diametrically coincide.

***Keywords*:** the concept of "Coercion", free associative experiment, students of a humanitarian university, gender research, semantic analysis, cluster analysis, structure of lexico-semantic fields, worldview of youth, types of violence, terrorist threats

For citation: Ivanova L. L., Beluzhenko O. V. The study of the concept of "coercion" in the worldview of modern youth in the context of terrorist threats. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):179–186. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-179-186. EDN JIEHCY

Введение

Террористические угрозы современного мира не снижают внимания специалистов на проблемы, лежащие в плоскости профилактики и предупреждения подобных общественно опасных деяний. Педагогическое сообщество также заинтересовано данной проблематикой, поскольку молодежь является уязвимой социальной группой для распространения экстремистской идеологии и вовлечения в террористическую деятельность. Это обусловлено целым рядом факторов, среди которых протестность, ценностный нигилизм, клиповое восприятие реальности, низкий уровень критического мышления или его отсутствие. Кроме того, для молодого поколения

важно реализовать потребность в принадлежности, что часто используется радикально настроенными группами, создающими иллюзию пространства, в которых человек получает возможность раскрытия своего личностного потенциала.

Период взросления любого человека связан с процессом становления жизненных стратегий в рамках определенных ценностных ориентиров. Студенческая молодежь уже имеет сформированное мнение об экстремизме и терроризме, зачастую навязанное стереотипами и предрассудками, транслирующимися в медиа-, кино- и игровой индустрии. Именно поэтому перед высшими учебными заведениями стоит важная задача не только общей профилактики деструктивных явлений в молодежной среде, но и выявление точек риска, связанных с выявлением экстремистских тенденций, лояльности и готовности к экстремизму.

Среди целого пула методов, используемых для вышеуказанной цели интересен опыт использования «Методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма» Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова [1], направленной на раннее выявление лиц, склонных к экстремизму.

Обнаруженная динамика изменения параметра «Конвенциональное принуждение» за несколько лет проведения тестирования студентов Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС по указанной методике с 2019 по 2023 гг. продемонстрировала аномально высокие заселённости выявленной группы риска по данному параметру, которые превышают аналогичные величины по другим параметрам методики в разы (рис. 1), а то и в десятки раз, что заставило нас задуматься о причинах этого явления.

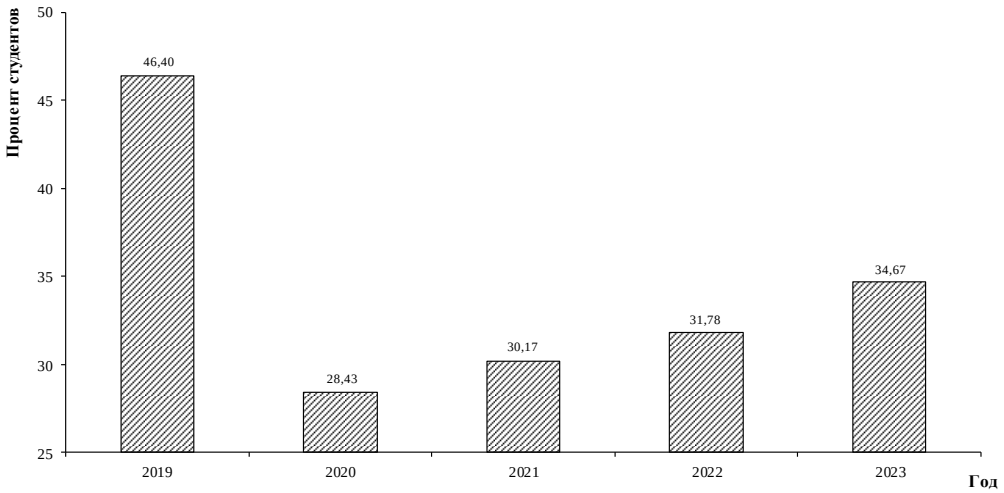


Рис. 1. Динамика группы риска склонности к экстремизму по параметру «Конвенциональное принуждение» за 2019–2023 гг.
Fig. 1. Dynamics of the risk group of propensity to extremism according to the parameter "Conventional coercion" for 2019–2023

Прежде всего нас заинтересовали исследования, связанные с ценностями и установками молодежи. Так, Кустова М. Ю. и др. [2], делают вывод о том, что установки на использование силы и агрессии, а также установление жестких требований и правил по отношению к другим связана со снижением уровня психологического благополучия. В то же время, исследование Калмыковой А.И. и Рыбакиной Ю. А. подтверждает связь повышенного уровня готовности к насильственным действиям студенческой молодежи со средним уровнем эмоциональной осознанности, детерминированной пессимистичным взглядом на мир и пренебрежением нормами общественной морали [3].

Анализ ценностей принуждения и ненасилия в студенческой среде, проведенный Мараловым В.Г. и др. [4], позволил выделить ряд характеристик молодежи, склонной к использованию принуждения, среди которых: самоуверенность, умеренный эгоцентризм, раздражительность, невысокая чувствительность к окружающим, низкий порог чувствительности к угрозам и пренебрежение к опасности.

Фурмановым И. А. [5] изучались аттитюды студентов в отношении насилия. Автором проведено исследование, результаты которого показали зависимость насильственных установок от таких личностных черт, как физическая агрессивность и враждебность.

Султанова А. Н. и др. [6] изучали взаимосвязь особенностей агрессивного поведения и базисных убеждений со склонностью к легитимизированной агрессии у студентов разных курсов обучения. Было установлено, что для людей, легитимизирующих агрессию в разных сферах жизни, характерно наличие базисного убеждения о недоброжелательности окружающего мира, помимо этого, люди, склонные к легитимизации агрессии, будут враждебно настроены по отношению к окружающим и прибегать к агрессии в процессе коммуникации.

Науменко Д. В. и Яковлевой И. П. [7] было предпринято социологическое исследование, нацеленное на выявление отношения современной российской молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии. Как ни прискорбно это сознавать, но было обнаружено, что нормой для современного российского общества студенты считают следующие виды насилия:

– словесные оскорбления, упреки, унижения (56 %);
– постоянная ложь, обман (26 %);
– угрозы (14 %);
– укусы, щипание (14 %);
– избиения, истязания, сотрясения (8 %);
– преследования, запугивание (6 %);
– удары чем-либо (6 %);
– пощечины, толчки (2 %).

Приведённый обзор литературы показывает, что возможны самые разные подходы к актуальной для современного российского общества проблеме легитимизации насилия. Следует особо подчеркнуть, что изучение именно гендерных аспектов данной проблемы кажется нам наиболее перспективным.

Поскольку вопросы профилактики террористических угроз в молодежной среде в последние десятилетия не только не утрачивают своей актуальности, а наоборот, находятся на повестке дня в научном, педагогическом сообществах, и в органах власти, мы предлагаем вашему вниманию результаты предпринятого нами социолингвистического исследования обсуждаемой проблемы. Результаты исследования докладывались нами в рамках Третьих Воронцовских чтений «Правоприменение норм террористической направленности в современных социально-политических условиях», традиционно проводимых Южно-Российским институтом управления РАНХиГС.

Материалы и методы

Нами были использованы следующие методы исследования:

1. свободный ассоциативный эксперимент;
2. контекстуальный анализ лексического материала;
3. качественный анализ лексем;
4. семантический анализ гендерных баз данных;
5. агломеративно-иерархический кластерный анализ гендерных баз данных.

Проведенный марте-апреле 2023 г. свободный ассоциативный эксперимент позволил собрать и обработать лексические материалы (имена существительные, которые ассоциируются у них со словом «принуждение»), студентов Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Участниками свободного ассоциативного эксперимента стали 168 студентов, в том числе 115 девушек (68,45%) от 16 до 19 лет, средний возраст – 17,96 лет и 53 юношей (31,55%) от 15 до 21 года, средний возраст – 17,89 лет.

Результаты

Контекстуальный анализ полученного лексического материала позволил создать базу данных, для которой с использованием метода сплошной выборки были отобраны лексемы (имена существительные). В итоге нами получено 1186 упоминаний (реакций), относящихся к 315 лексемам.

По общим семантическим признакам полученные реакции делятся на группы:

– процессы и действия,
– чувства и состояния,
– все остальные реакции.

Нами отмечено, что ассоциации со словом «Принуждение» включают в себя и целый ряд реакций-метафор, отражающих личностные смыслы процесса принуждения для респондентов, его функции по отношению к человеку. В этих реакциях раскрывается:

– оценка процесса принуждения как бремени человеческого существования (*нелюбимая работа, нелюбимый человек, отношения*);

– территория вынужденного пребывания (*тюрьма, каторга, школа, дача*);

– инструменты для осуществления притеснения (*бита, ремень, палка, наручники, оружие, кнут, примус*);

– негативные последствия притеснения (*смерть, эшафот, страх, ужас, крик, боль, паника, беда, раны, слёзы*);

– осознание собственных ограничений (*раб, рабство, неволя*);

– необходимость заниматься чем-то нелюбимым или неприятным (*физкультура, «домашка», учёба, уборка*);

– необходимость есть нелюбимую еду (*диета, борщ, авокадо*);

– персонификация собственно притеснителей респондента (*родители, бабушка, отчим*).

Необходимо особо подчеркнуть, что большинство имеющихся реакций-метафор обладают отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией. Имеются также небольшое количество нейтральных реакций и совсем мало – положительных (*доброта, радость, любовь, дружба*).

Далее, опираясь на общепринятую классификацию форм насилия[1] [8], мы провели качественный анализ всех имеющихся 315 лексем для того, чтобы установить, какие именно виды принуждение (насилия) имели в виду студенты – участники ассоциативного эксперимента. Оказалось, что предложенный ими лексический материал позволяет предполагать описание физического, психологического, сексуального, социального, политического, домашнего, школьного и работнического насилия. В свою очередь, признаки экономического и религиозного насилия, кибернасилия и насилия в международных конфликтах в анализируемых материалах – отсутствуют.

На следующем этапе исследования происходило создание нами двух баз данных – по гендерному признаку – путём модифицирования исходной базы данных. При этом для обеих баз данных отбирались лексемы, имеющие не менее четырёх упоминаний (реакций). В итоге для девушек было получено 585 упоминаний (реакций), относящихся к 55 лексемам, а для юношей – 239 упоминаний (реакций), относящиеся к 52 лексемам.

Обсуждение

Опираясь на схему семантического анализа, предложенную Романовой О. В. [9] для концепта «Принуждение», мы предприняли семантический анализ этих гендерных баз данных по специальным концептуальным блокам. В табл. 2 показано, как распределились лексемы по упомянутым автором [9] концептуальным блокам.

Таблица 1 – Распределение лексем по концептуальным блокам концепта «Принуждение»

Table 1 – Distribution of lexemes by conceptual blocks of the concept of "Coercion"

Концептуальный блок	*Лексемы*
1. Психологическое давление / навязывание	Безысходность, воздействие, давление, диктат, доминирование, заставление, навязывание, неволя, несвобода, обязывание, подчинение, страх, угроза, унижение
2. Применение физической силы	Агрессия, боль, гнёт, жестокость, злость, наказание, насилие, подавление, рабство, сила
3. Шантаж / запугивание	Деспотизм, запугивание, нажим, тирания, угнетение, шантаж
4. Управление (приказ, требование)	Власть, государство, приказ, санкции, требование
5. Убеждение	Влияние, внушение, убеждение
6. Вымогательство / выпытывание	Вынуждение, лишение, понуждение, ущемление
7. Обман / хитрость	Манипуляция

[1] Насилие и его формы: понимание, классификация и преодоление [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nauchniestati.ru/spravka/nasilie-i-ego-formy/

На рис. 2 показано гендерное распределение ассоциаций (лексем) по концептуальным блокам концепта «Принуждение».

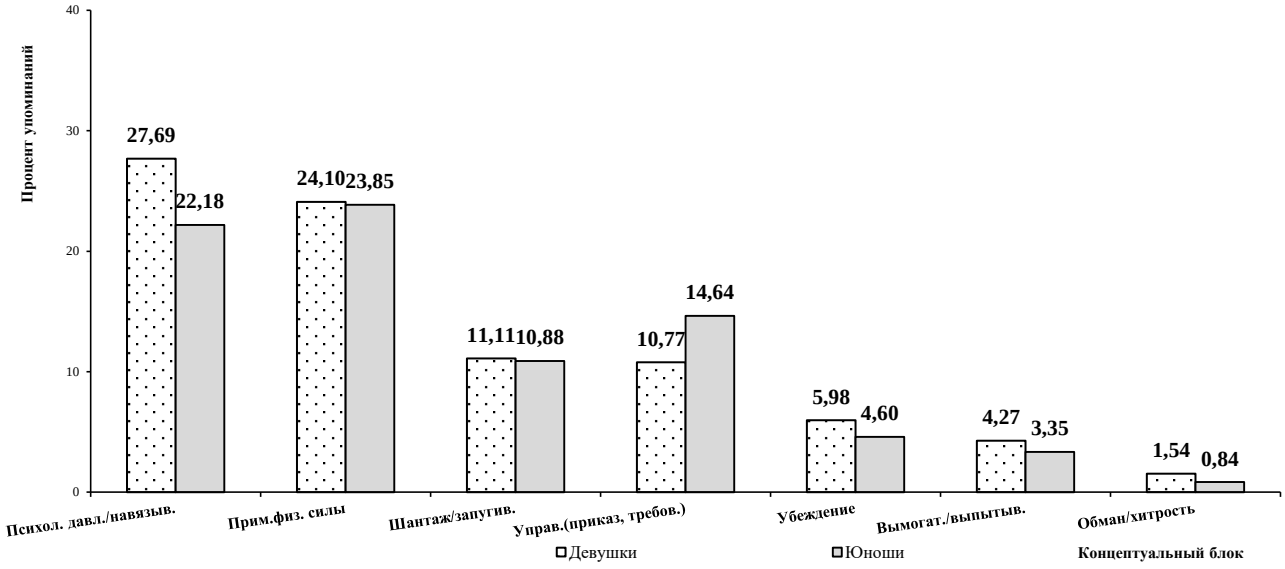


Рис. 2. Гендерное распределение лексем
по концептуальным блокам концепта «Принуждение»

Fig. 2. Gender distribution of lexemes according to the conceptual blocks of the concept of «Coercion»

Из рис. 2 следует, что у девушек на первом месте по проценту упоминаний (с отрывом) находятся лексемы блока «Психологическое давление / навязывание», на втором – лексемы блока «Применение физической силы», а на третьем (с большим отрывом) – лексемы блока «Шантаж / запугивание». В свою очередь, у юношей на первом месте по проценту упоминаний (с незначительным отрывом) находятся лексемы блока «Применение физической силы», на втором – лексемы блока «Психологическое давление / навязывание», а на третьем (с заметным отрывом) – лексемы блока «Управление (приказ, требование)».

Сказанное выше позволяет предполагать более «активную» роль мужской выборки респондентов в ходе «реализации» процесса принуждения.

И, наконец, завершающим этапом нашего исследования стало использование агломеративно-иерархического кластерного анализа, осуществлённого при помощи пакета компьютерных программ SPSS.

В качестве объектов для кластерного анализа – переменных – мы использовали 25 лексем девушек и 25 лексем юношей, которые имели не менее десяти упоминаний.

Кластерный анализ позволил нам полностью установить подробную структуру обоих гендерных лексико-семантических полей. Из сопоставления, какие именно лексемы относятся к ядерной зоне в каждом случае, следует, что девушками процесс принуждения воспринимается как акт управления ими кем-то со стороны, кому они без особого сопротивления вынуждена подчиниться, полагая это само собой разумеющимся.

В качестве подтверждения нашего вывода можно привести заключение Киреева М. П. и др. [10] о причинах привлечения женщин к террористической деятельности, среди которых он отмечает в том числе и исполнительность. В этой связи целесообразным нам видится такое профилактическое направление работы с девушками из группы риска как проработка состояния нездоровой жертвенности, слабости, безволия, с целью избавления от возможных «программ» неравноправного поведения с позиции «снизу».

Напротив, юноши воспринимают процесс принуждения с позиции активного участника, «агрессора», оказывающего на «жертву» определенное воздействие и добиваясь тем самым результата. Этот вывод также подтверждается исследованиями гендерных различий в мотивации

к террористической деятельности. Так, исследователи отмечают, что экстремистские и террористические организации очень тщательно подходят к формированию пропагандистских материалов, используемых при вербовке в свои ряды. При этом в указанных материалах зачастую используются понятия типичных признаков мужественности (уверенность, смелость, сила, борец за справедливость и т.д.) и женственности (с одной стороны – роль «хорошей женщины», с другой – роль женщины, противостоящей насилию)[1].

Заключение

Таким образом, нами было лингвистически доказано, что структуры семантического содержания концепта «Принуждение» в языковом сознании юношей и девушек – носителей русского языка – диаметрально не совпадают, то есть гендерные мировоззренческие компоненты имеют существенное различие. Это дает нам право сделать заключение о необходимости проведения со студенческой молодежью не только мероприятий по общей профилактике экстремизма и терроризма для устранения причин и условий, порождающих интерес к вовлечению в подобную деятельность, но и проведение индивидуальной профилактики (в том числе с учетом гендерной принадлежности).

Список источников

1. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78–97.

2. Кустова М. Ю., Перинова С. А., Афанасьев С. Ю. Особенности диспозиций экстремистского поведения у студентов с разным уровнем психологического благополучия / Психология здоровья в образовательном процессе: материалы IV региональной научно-практической конференции (с использованием дистанционных технологий) (Курск, 27 октября 2023 г.) / под ред. В. А. Липатова. Курск : КГМУ, 2023. С. 120–123.

3. Калмыкова А. И., Рыбакина Ю. А. Уровень эмоциональной осознанности как фактор защиты от экстремистских идей / Психология здоровья в образовательном процессе: материалы IV региональной научно-практической конференции (с использованием дистанционных технологий) (Курск, 27 октября 2023 г.) / под ред. В. А. Липатова. Курск: КГМУ, 2023. С. 87–91.

4. Маралов В. Г., Ситаров В. А., Маралова Т. П., Романюк Л. В. Психологические профили студентов, склонных к принуждению (манипулированию), ненасилию и невмешательству // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 282-301.

5. Фурманов И. А. Аттитюды студентов в отношении насилия // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 4. С. 622–640.

6. Султанова А. Н., Чут У. Ю., Бусыгина Г. А., Сажина Д. А., Митенко А. А., Карпотенко Я. Е. Особенности агрессивного поведения у лиц, легитимизирующих агрессию // Reflexio. 2020. Т. 13. № 2. С. 79–92.

7. Науменко Д. В., Яковлева И. П. Отношение студенческой молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии (на примере студентов КубГТУ) // XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования": сборник материалов конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 1551–1556.

8. Наследов А. Д. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2005. 416 с.

9. Романова О.В. Некоторые особенности вербализации концепта "принуждение" глагольной лексикой современного английского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 44. С. 214–217.

10. Киреев М. П., Антонян Ю. М., Верещетин В. С. и др. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4. С. 20–43.

References

1. Davydov D. G., Khlomov K. D. Methods of diagnosing dispositions of violent extremism. *Psychological diagnostics.* 2017;14(1):78–97. (In Russ.)

[1] О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf

2. Kustova M. Yu., Perinova S. A., Afanasyev S. Yu. Features of dispositions of extremist behavior among students with different levels of psychological well-being. In: *Psychology of health in the educational process: proceedings of the IV regional scientific and practical conference (using remote technologies) (Kursk, 27 October, 2023).* V. A. Lipatov (ed.). Kursk: KSMU; 2023:120–123. (In Russ.)

3. Kalmykova A. I., Rybakina Yu.A. The level of emotional awareness as a factor of protection from extremist ideas. In: *Psychology of health in the educational process: proceedings of the IV regional scientific and practical conference (using remote technologies) (Kursk, October 27, 2023).* V. A. Lipatov (ed.). Kursk: KSMU; 2023:87–91. (In Russ.)

4. Maralov V. G., Sitarov V. A., Maralova T. P., Romanyuk L. V. Psychological profiles of students prone to coercion (manipulation), nonviolence and non-interference. *Perspectives of science and education.* 2020;1(43):282–301. (In Russ.)

5. Furmanov I. A. Attitudes of students towards violence. *Integration of education.* 2020;24(4):622–640. (In Russ.)

6. Sultanova A. N., Chut U. Yu., Busygina G. A., Sazhina D. A., Mitenko A. A., Karpotenko Ya. E. Features of aggressive behavior in persons legitimizing aggression. *Reflexio.* 2020;13(2):79–92. (In Russ.)

7. Naumenko D. V., Yakovleva I. P. The attitude of students to the problem of violence in interpersonal interaction (on the example of KubSTU students). In: *XIX International Conference "Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience":* Collection of conference materials. Yekaterinburg: UrFU; 2016:1551–1556. (In Russ.)

8. Herestov A.D. *SPSS: computer data analysis in psychology and social sciences.* St. Petersburg: Peter; 2005. 416 p. (In Russ.)

9. Romanova O. V. Some features of verbalization of the concept of "coercion" in the verbal vocabulary of modern English. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen.* 2007;(44):214–217. (In Russ.)

10. Kireev M. P., Antonyan Yu. M., Vereshchetin V. S. et al. Terrorism: psychological roots and legal assessments. *State and law.* 1995;(4):20–43. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. Л. Иванова – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, ЮРИУ РАНХиГС.

О. В. Белуженко – кандитат химических наук, психолог, ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

L. L. Ivanova – Cand. Sci.(Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

O. V. Beluzhenko – Cand. Sci.(Chem.), Psychologist, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Contribution of the authors*:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.02.2025.